

Секция «Региональные проблемы международных отношений: Восток»

Роль религиозного фактора в «арабской весне»

Научный руководитель – Демченко Александр Владимирович

Акопян Лиана Араевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет мировой политики, Кафедра региональных проблем мировой политики, Москва, Россия

E-mail: liannasilenzio@gmail.com

Рассмотрение роли религиозного фактора в «арабской весне» является весьма актуальной исследовательской задачей, как минимум, по двум причинам. Во-первых, Ближний Восток, являясь самым нестабильным регионом мира, а также основной площадкой противоборства ведущих держав, несомненно, влияет на основную повестку дня мировой политики. Во-вторых, в современном мире, не только в исламском, но и на Западе, и в России, несмотря на длительный процесс секуляризации и снижения роли религии, напротив сейчас наблюдается усиление религиозного фактора.

Волна антиправительственных демонстраций в 2011 году в арабском мире, получившая название «арабская весна», прежде всего была вызвана социально-экономическими факторами, такими как, безработица, демографическая диспропорция, активизации борьбы общества с неэффективной властью и дискриминацией политических и иных свобод граждан. [1] Примечательно, что политические круги Запада возлагали надежды на новое поколение протестующих, которые, по их мнению, должны были покончить с диктаторскими режимами и начать развитие по западному пути, исключительно для «процветания». Однако уход с политической арены режимов М. Каддафи, Али Абдуллы Салеха, Х.Мубарака напротив способствовал росту роли религиозного фактора в политической жизни региона. Дело в том, что этим квазидемократическим режимам удавалось сдерживать исламистов как от прихода к власти, так и от их попыток навязывания собственных пониманий ислама. Позднее государственный департамент США все-таки признал, что арабские «революции» предоставили исламистам и террористам возможность расширить влияние в регионе.

Первое проникновение исламистских сил в государственную власть произошло в Тунисе в 2011 году, когда выборы в Национальный Совет одержала исламская партия «Ан-Нахда». [2] В Египте после отставки Хосни Мубарака и последовавшими за этим выборами в конце 2011 - начале 2012 гг. две трети мандатов получила салафитская партия «Ан-Нур» и «Партия свободы и справедливости», а немного позднее вступила в силу новая конституция Египта, провозглашающая Ислам государственной религией, а принципы Шариата основным источником законодательства. [3] В Ливии активизировались различные террористические организации, такие как «Ливийская Исламская Боевая Группа», которая представляла из себя некую франшизу «Аль-Каиды» [4] Сирию также ожидала схожая участь, и в восточной части страны повстанцами-радикалами из ИГИЛ, запрещенной в РФ, было создано свое образование,

Однако описанные варианты укрепления религиозного фактора в политической жизни арабских стран весьма различны и не должны отождествляться, так как в идеологии и практике указанных исламистских организаций существовали фундаментальные различия. С одной стороны, исламисты в Тунисе подтвердили свою приверженность демократии, ненасилию и сотрудничеству со светскими партиями. С другой, в Сирии и Ираке, а

также Ливии наблюдается расцвет такфиристских группировок, которые отрицают компромисс с другими силами и демократию как таковую.

Больше внимания привлекает деятельность представителей радикального ислама, которая коснулась не только стран прямо или косвенно затронутых «арабской весной». Этот процесс приобрел всеобъемлющий, глобальный характер, ведь инфраструктура исламского экстремизма сейчас представлена во многих государствах не только исламского мира, о чем свидетельствуют теракты последних лет во Франции, Германии, Великобритании и Бельгии.

Рассматривая внутренние факторы, стоит отметить, что, во-первых, получившая популярность концепция о единой арабской нации, заложившая основу создания светских баасистских партий, не оправдала надежды арабов, и появившуюся нишу заняли исламисты.

Во-вторых, широкие возможности современной телекоммуникации и Интернета, включая социальные сети, дали возможность исламистам вести пропаганду с целью формирования новых единомышленников с их дальнейшим вступлением в ряды террористических организаций. [5]

В-третьих, маргинализация мусульманского населения в большинстве стран сопровождалась ростом недовольства погрязшими в коррупции властями и госчиновниками, что не могло не способствовать распространению идей радикального ислама.

Рассмотрев явление «арабской весны», можно заключить, что волнения в арабских странах, начавшиеся в декабре 2010 г., не только дестабилизировали ситуацию в стратегически важном регионе Ближнего Востока и Северной Африки, но и оказали ощутимое влияние исламские политические организации. В результате «арабской весны» в ряде арабских стран на смену секулярным авторитарным режимам пришли квазидемократические режимы с исламским «уклоном». Очень важно, что эти режимы поддерживаются большинством населения, стремящимся вновь обрести «арабо-исламскую общую идентичность». Другим, крайним вариантом, стало усиление террористических исламистских группировок, наподобие в ИГИЛ и Аль-Каиды в тех странах, где произошла масштабная дестабилизация и серьезное ослабление или крах государственных институтов (Сирия, Йемен, Ирак, Ливия).

Литература

1. Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков / Отв. ред. А. В. Коротчаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М. Либроком/, 2012.
2. Journal of Democracy/ Islamists and the “Arab Spring”/ Husain Haqqani Alfred Stepan & Juan Linz/2013
3. Egypt as Islamists stumble in Egypt and Tunisia, the Arab Spring turns wintery/ Adeed Dawisha/2013
4. Ranj Alaaldin After the Arab Spring: power shift in the Middle East? Libya: defining its future/2012
5. К.М.Труевцев Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи. // Национальная идея: история, идеология, миф / ИСР РАН. М., 2004.